

## КОГДА УТРАЧЕНО ЧУВСТВО МЕРЫ...

Творчество Валентина Пиккуля посвящено главным образом историческому прошлому России. Писатель опубликовал немало произведений, которые вызвали интерес у читателей, принесли ему популярность. Это романы «Слово и дело», «Пером и шпагой», «На задворках великой империи», «Моонзунд», «Богатство» и другие.

Только что в журнале «Наш современник» закончилась публикация нового романа В. Пиккуля «У последней черты». Знакомство с этим произведением приводит к выводу, что автор, к сожалению, выпустил в свет сырую, еще непроработанную вещь, страдающую идейно-художественными изъянами и недостатками.

В. Пиккуль начинает свой роман цитатой из первого «Письма из далека» В. И. Ленина, где сказано, что революция 1905 — 1907 годов и последующая за ней контрреволюционная эпоха раскрыли всю «гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки...». Не углубляясь в анализ этого и других высказываний Ленина, связанных с этой эпохой, В. Пиккуль изображает полную пороков жизнь Распутина, царя, царицы, придворной камарилы, царских министров, сановников...

Писатель, как и ученый, обязан рассматривать исторические события в их диалектической взаимосвязи, тем более в романе, претендующем на доку-

ментальность описания насыщенной революционными событиями эпохи. Но, к сожалению, в произведении В. Пиккуля отсутствует исторический фон, если не считать буквально акрапленных в повествование нескольких строк о числе стачечников, гудении фабричных труб с призывом к забастовке или вдруг упомянутого сообщения о 100-летию Бородинской битвы, авиационном празднике и сентенций по поводу картины И. Репина «Какой простор!».

Автор явно отступил от единственно верного принципа — классового подхода к оценке прошлого, некритически отнесся к литературе, которую он привлекает. Страница за страницей использует В. Пиккуль писания великого князя Николая Михайловича, иеромонаха Илиодора, сфабрикованные воспоминания Распутина, мемуары Вырубовой, давно разоблаченные советскими историками как поддельные, и многое другое. Из этой, с позволения сказать, литературы просачиваются в роман ошибочные идеи и взгляды на развал государственного механизма царской России. И хотя автор сам себя причисляет к историкам-летописцам, его произведение нельзя назвать историческим. В романе искажена трактовка эпохи, смещены акценты в оценке исторического процесса, наверно характеризуется ряд исторических

лиц. В результате в романе не находят отражения главные противоречия того времени, которые определили революционную ситуацию в России, приведшую к свержению монархии и к победе Октябрьской социалистической революции.

Правда истории всегда гораздо глубже по содержанию и драматичнее любого вымысла. Незачем смаковать сцены о свальном грехе царей и придворных, чтобы доказать разложение самодержавия. Раскрытие поведения царя с политической, а не с бытовой точки зрения показывает, что Николай II вовсе не комедийный и не безвольный персонаж. Он и его приближенные (Столыпин-вешатель и другие) были прежде всего классовыми врагами народных масс. Стремление правящей верхушки к беспощадным карательным действиям сковывала только сила революционного движения.

Подменяя классовую борьбу идеей саморазложения самодержавия, В. Пиккуль — хочет он того или нет — как бы становится сторонником версии, которую раздувают буржуазные фальсификаторы истории. Они преувеличивают роль личности Распутина. Влияние Распутина действительно в какой-то мере усилилось в среде придворной камарилы в самые последние годы царского режима, в годы войны, и это было одним из многих призна-

ков кризиса правящей верхушки. В романе же В. Пиккуль чуть ли не всю предреволюционную эпоху готов назвать «эпохой распутинщины». У автора словно все поставлено с ног на голову. Распутинщина в романе является не следствием распада самодержавной системы, а причиной краха царского трона. Как бы ни оговаривался автор, вся логика повествования ведет к тому, что в конце романа убийство Распутина, осуществленное царскими придворными, представлено почти революционным актом: ночь убийства Распутина в романе названа «исторической ночью».

Внеклассовым подходом отличается и назойливое акцентирование автором национальной принадлежности того или иного персонажа, связанного с Распутиным и царской кликой.

Замечу, что избранный автором жанр хроники не выдержан. Хроникальное изложение событий, взятое из мемуаров, дается только в связи с картинами жизни высшего света России накануне войны да при изложении времяпрепровождения Распутина на основе донесения филерова, а также при описании последнего дня его жизни. Вообще роман засорен излишними подробностями, всем тем, что прежде составляло в печати великосветскую хронику (сообщениями о болезнях царей, рождении их детей, царских вояжах, описани-

ем одежд Распутина, царицы и пр.). На язык романа сильное влияние, видимо, оказала та литература, которую использовал автор.

Наша советская литература всегда отличалась высокой степенью нравственности. Кому же адресуется роман, в котором при смаковании «жития» Распутина и других «героев» описываются пошлые сцены? Язык произведения крайне упрощен, перенасыщен грубыми фразами, анекдотами, а то и непристойной бранью. Остается только выразить недоумение, почему журнал «Наш современник», давший путевку в жизнь многим достойным произведениям советской литературы, опубликовал на сей раз роман В. Пиккуля «У последней черты», граничащий с бульварной литературой?

Работа В. Пиккуля над историческим материалом уже критиковалась учеными. Отмечались вольное обращение с фактами, неправильное их освещение, трактовка, некритическое отношение к источникам. Жаль, что эта критика не возымела действия. Работа советских писателей над исторической темой всегда отличалась слиянием идейной глубины, подлинного историзма с высокой художественностью. В. Пиккуль, к сожалению, пошел вразрез с этими традициями.

Ирина ПУШКАРЕВА,  
доктор исторических наук